

Георгий Чулков. Шурочка и Веня

Оригинал здесь: [Серебряного века силуэт...](#)

I

На углу Бульмиша и улицы Monsieur le Prince, в тесной и пыльной лавчонке, где продаются гвозди, проволока и домашняя утварь, стоял Веня Павлушин с жестяною кастрюлею в руке.

- Феть ле тру, мосье... Иси, иси, - говорил Веня мастеру, указывая на дно купленной им кастрюли.

Веня очень скверно говорил по-французски, но это ничуть его не смущало. Хозяин лавчонки, толстый, краснотубый и, по-видимому, веселый человек с недоумением посмотрел на Веню, "Сделать дырку в кастрюле"... Зачем? Но Веня твердил все то же:

- Феть ле тру, мосье... Иси, иси...

Веня вытащил из кармана маленькую метелку из разноцветных перьев и приставил ее к кастрюле. Если сделать дырку и всунуть туда метелку, кастрюля будет похожа на пернатый шлем. Такой шлем носили ассирийские воины. Веня надел на голову кастрюлю. Его серьезное озабоченное лицо и неожиданный жест весьма развеселили почтенного лавочника и двух покупательниц.

Теперь все стало ясным. Сегодня на Монмартре художники устраивают бал, и молодой иностранец готовит себе наряд. Превосходно. Ничего не стоит провертеть дырку в кастрюле и прикрепить метелку. В самом деле, шлем будет хоть куда.

Веня - художник. Год тому назад он приехал в Париж, недели на две, но нечаянно остался в нем и, перебиваясь кое-как, живет теперь на бульваре Монпарнас и усердно пишет яблоки и бананы, подражая Сезанну. Когда-нибудь он напишет великое монументальное произведение. Веня твердо верит в это. И почем знать, может быть, его оценят современники. Ему поручат расписать стены общественных зданий, и он, Веня, покроет великолепными фресками множество квадратных саженей. Какой это будет праздник искусства! Но путь художника - тернистый путь. Иногда Веня нуждается в двух-трех франках - ничего не поделаешь. Но разве можно смутить художника такими пустяками? Кроме того, Веня увлекается теософией {1}, а это учение, как известно, требует от адепта {2} духовной твердости и чистоты при всякого рода житейских испытаниях.

На Монмартре, в здании Большого цирка, было уже много народу, когда Веня вошел туда в своем шлеме с длинным копьём в руке. За огромными кулисами, на которых намалеваны были ассирийские быки и фаллические эмблемы, играл оркестр, и в зале стоял неясный гул, гул имеющейся, разговаривающей, восклицающей толпы, от которого, как от вина, пьянеет голова и является неопределенное желание как-нибудь заявить о себе, чтобы спасти свое маленькое человеческое я, поглощенное этим множеством равнодушных к вам незнакомцев. Веня пошел по зале, нескладно махая рукою и крича по-русски:

- Почему никто не танцует? Танцуйте, господа! Право же, надо танцевать...

И, как будто следуя его призыву, оркестр заиграл польку, и пара за паром закружились художники со своими дамами, топоча усердно. Танцевали так, как всегда танцуют французы на балах Монмартра или в Латинском квартале или просто на улицах в июле в дни национальных празднеств {3} - танцевали, сбиваясь с такта, прижимая нескромно дам, касаясь руками их бедер... Только на этот раз Веня заметил, что дамы одеты как-то странно, как-то уж очень легко, и ему казалось, что все эти пестрые наряды из дешевых тканей сшиты на живую нитку, чтобы легко можно было их сорвать, сбросить одним движением руки, ничего не расстегивая.

За столиками, расставленными вдоль стен и перед эстрадами, сооруженными, очевидно, на один вечер, сидели парочки за бутылками шампанского, и по рассеянным и влажным глазам этих французов Веня догадался, что уже многие пьяны, и ему тоже захотелось выпить, хотя это и